

У Соловецкого камня

Ангарскому поэту Валерию Алексееву – 75! Дата прекрасная и нешуточная. Более шести десятилетий держит Валерий Анатольевич в руках поэтическое перо. В округе юбиляра всяк знает. Он автор книг «Закон движения», «Паводок», «Станция Свеча», «Ещё не вечер», «Созвездие Стрельца», «Баллада о колокольне». Публиковался в журналах «Знамя», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Сибирь», в альманахе «Кубань», в поэтических сборниках «Библиотеки «Комсомольской правды», в сборнике «Родник», изданном в Москве по итогам Всесоюзного поэтического конкурса, в сборниках Восточно-Сибирского издательства. Он частный гость на страницах «Восточки» и не одной ангарской газеты.

Интервью

В иркутском издательстве «Письмена» готовится к выпуску юбилейная книга поэта – «Соловецкий камень».

- Валерий Анатольевич, в чем смысл названия вашего юбилейного тома?

- Название это обусловлено тем, что ровно полвека тому назад я был осужден Особым совещанием МГБ СССР по статье 58-10 (антисоветская агитация) на срок 10 лет. 1 июня 1954 года я освобожден по зачетам в Ангарске, но реабилитирован был только в марте 1992 года. Таким образом, «Соловецкий камень» болтался на моей шее полвека и вобрал в себя всю мою творческую и жизненную биографию.

- В чем же заключалась ваша антисоветская агитация?

- А ни в чем. Я не мог вести никакой антисоветской агитации, поскольку был лектором-международником ЦК ВЛКСМ и секретарем бюро ВЛКСМ 2-го курса Московского государственного института международных отношений. Просто у меня во время обыска на квартире нашли «Чтеца-декламатора» 1929 года издания, в котором были напечатаны «Песнь о великом походе» Есенина и статья Троцкого «Ленина нет». По тем временам этого было вполне достаточно для того, чтобы получить свою «законную десятку». Я не говорю уже о том, что я с детства переписывал в тетради стихи Есенина, Гумилева, Бальмонта, Надсона, Мережковского, Сологуба, Гиппиус, за которые в те поры могли дать еще одну «десятку».

Ну, а настоящий соловецкий камень был на самом деле привезен с Соловков и установлен рядом с цоколем, оставшимся от памятника «железному Феликсу», свергнутого с пьедестала в 1991 году во время

известных событий. Камень этот установлен как всенародный памятник жертвам политических репрессий.

- Ваш любимый поэт? Ваши учителя в поэзии?

- Конечно, Лермонтов. Отблеск его строк –

«О, как мне хочется смутить

Веселость их

И дерзко бросить им в глаза

Железный стих,

Облитый горечью и злостью!»

- лежит на всем «Соловецком камне».

Учителями моими были поэты золотого и серебряного веков и все талантливые поэты нашего времени.

- Есть у вас секреты творческого долголетия?

- Секрет творческого долголетия заключается в постоянной работе.

- «Не подведи меня, сердце, не подведи...

Жизнь на излете, а главная песня не спета».

Что, главное действительно не спето?

- Поэт всю жизнь мечтает написать главную песню, но сам он не знает, какая песня станет главной. Это время определит. Вот и я мечтаю. А может быть, она уже состоялась, может, это «Домик в Малаховке», или «Станция Свеча», или «Баллада о колокольне»... Но хочется верить, что главная песня еще впереди.

- Когда вы написали первое стихотворение?

- 65 лет тому назад. Оно посвящалось рыжему коту, который жил у нас в доме и охотился успешно не только на мышей, но и на птичек. Стихи, разумеется, слабые, беспомощные. Наша ангарчанка, Маша Подшивалова, девяти лет от роду, пишет гораздо лучше. Я на днях прочел ее «Зайчонка» и был в восторге. Буду следить теперь за ее дальнейшими публикациями.

- А последнее?

- Совсем недавно. Оно называется «Полина Виардо». Юбилейная книга была уже в производстве, но мне все же удалось втиснуть в книгу и эти стихи.

- Что вы полагает главным в поэзии: талант, стихотворную технику, чувство, мысль?

- Все эти, грубо говоря, «компоненты» необходимы поэзии. Талант без стихотворной техники – алмаз без огранки, драгоценный камень без оправы. Чувство, безусловно, должно быть в стихотворении, но без основополагающей мысли оно бессмысленно. Если удариться в старину, то у нас есть пушкинско-лермонтовское направление в поэзии и баратынско-

тютчевское, в котором мысль преобладает над чувством. Всяк волен выбрать свою дорогу. По-моему, все хорошо в меру. Поэзия, говаривал Пушкин, должна быть чуточку глуповатой. Но не круглой дуррой, добавил бы я.

– Что для вас поэзия – профессия или увлечение?

- Ни то ни другое. Для профессии это слишком прозаично, для увлечения – слишком легковесно и легкомысленно. Для меня поэзия – это состояние души. Вдохновение и работа! Но каждый раз это происходит по-разному. Есть стихи, которые рождаются сразу, на вид – без всякого труда, да и потом особой огранки и ювелирной работы не требуют. Это стихи-самородки. Но есть сюжетные стихи, или, как мы говорим, «стихи на заданную тему». Это совсем другое дело! Владеть, конечно, надо и тем и другим. Но лучше всего стихи пишутся по наитию, как бы свыше.

- Сколько времени в сутки вы пишете стихи?

- Стихи нельзя писать по часам. Они рождаются стихийно, произвольно, под влиянием внешних и внутренних впечатлений. Они могут зародиться во время лыжной прогулки, в электричке, на пляже, в лесу, на трамвайной остановке... Потом «из искры возгорается пламя», стихи пишутся от начала до конца. Тут бы, по совету Горация, надо отложить их на год, но где там, мы вечно спешим, торопимся. Через некоторое время я возвращаюсь к написанному, иногда возвращаюсь неоднократно. Но это зависит от характера, меня же мучит вечная неудовлетворенность написанным.

Последние два месяца, когда дело дошло до издательства, работа над книгой шла почти круглосуточно, потому что стихи поднимали меня ночью с постели и не давали покоя днем.

- Чему посвящается остальное время?

- Спорту. Зимой – лыжи, летом – велосипед. Южный берег Китая. Больше позволить себе не могу, ибо времени катастрофически не хватает.

- Ваши творческие мечты?

- В сентябре прошлого года редактор газеты «Ангарские новости» Сергей Зиннер буквально заставил (за что я ему очень благодарен) написать воспоминания о том, как полвека тому назад я отмечал 800-летие Москвы, будучи студентом МГИМО. Я написал очерк об этом событии и назвал его «Звездный дождь над Кремлем». С этого начались мои мемуары, которые требуют постоянного продолжения.

И в самом деле, я учился в МГИМО с детьми самых высокопоставленных родителей, лично знал адмиралов Кузнецова, Трибуца, Головка, уезжал из Москвы в вагонзаке в одном купе с братом короля Михая. Сидел в одной камере с начальником штаба Квантунской армии полковником

Маедой, немецким фашистом Отто Гедике. В Краслаге общался с дежурным генералом маршала Жукова, Героем Советского Союза генерал-майором Крюковым – мужем Руслановой. Словом, есть, что вспомнить, есть о чем написать. Хотелось бы успеть.

- Что было самого замечательного в вашей большой жизни? Что запомнилось больше всего? Что осталось в сердце?

- На все три вопроса отвечаю одним словом: любовь! Я не представляю себе жизни без любви и не хочу, чтобы мои внуки и правнуки женились и выходили замуж без любви. Жизнь без любви страшнее смерти.

- Итак. Основные вехи вашей жизни?

- - Детство – школа – война – институт – Лубянка – ГУЛАГ – Ангарск – свобода.

Остальное – в стихах.

Беспрозванный Л.
Вост.-Сиб. правда. – 1998. - 24 янв. – С. 14.